

«И ДАЖЕ БЕЗ ТЕБЯ — С ТОБОЙ...»

(Из беседы со Светланой Пенкиной)

ара Владимир Мулявин — Светлана Пенкина рисуется в моем воображении из сплетения эллипсов, углов, пирамид и прочих супрематических элементов малевичских исканий. Но ведь в их общем портрете есть и Шагал! Рука в руке — и в полет! Да, искушение велико: хотелось бы мне напустить романтического флера, прикасаясь к неприкасаемому, где — Он и Она. Где любовь. Но как можно! Ведь в плоском изображении посторонний наблюдатель не увидит объемный алмаз с многоликой огранкой, в его блеске не проявится все то, что скрыто от глаз других. И будет скрыто всегда...

Наверное, имею право позволить себе сделать подобный вывод: время шагнуло уже в третье десятилетие нашего с ней близкого знакомства и доверительных отношений. Буду всегда помнить, как посадила в машину и повезла Светлану на пару дней в тяжелейшее для нее время на Браславские озера. Хотелось, чтобы она смогла хоть на эти короткие мгновения снять на природе мучительное душевное напряжение, уехав из опустевшей навсегда без Владимира Георгиевича квартиры. На тот момент его не было физически рядом с ней и сыном уже более полутора лет. Но присутствие Мулявина в Светлане, буквально на клеточном уровне, ощущалось бесспорно. Это были какие-то светло-грустные исповедальные дни. Первые за всю ее жизнь дни отдыха без Мули — так ласково-напевно Света называла своего Владимира. Тогда я не разрешила себе быть в профессии, хотя могла фиксировать в памяти нет-нет да и проскальзывающие в воспоминаниях Светланы закрытые, «не для прессы», эпизоды из их личной жизни. Но для меня и других моих коллег она воздвигла табу: никаких интервью, категорически — никаких! Под этим запретом прошли одиннадцать лет. И вот издательство предложило мне переиздать книгу «Владимир Мулявин. Нота судьбы».

Договаривались со Светланой о встрече. Я настаивала, чтобы она произошла где-то на нейтральной территории. Но со свойственным ей сдержанным упорством Света отреагировала: только в музее. Я была уверена, что Светлана — на этот раз в деловой обстановке, за директорским столом — не станет раскрываться, а будет говорить сугубо о работе музея Песняра в Белорусской государственной филармонии, который она возглавляет уже десять лет. И я ошибалась. Это был самый доверительный разговор «без купюр», без внутреннего цензора в подаче мыслей, контекст которого держался «на нерве» и правде. Разговор за чашкой черного чая, под известным всем портретом Мулявина (в синем блейзере), взгляд которого был направлен на каждого зашедшего в его святая святых, где он творил. И неожиданные слезинки в ее глазах... Понимаю, все всколыхнулось, отпечаталось болью в голосе...

Будто ныряя мыслью в глубины «близкого былого», Светлана размышляет вслух о судьбоносных событиях. Как бы сверяясь с тем, чье дыхание ощущается в каждом принесенном из их общего дома предмете: гитаре, нотах, фотографиях, деталях его гардероба... А он — в каждом уголке филармонического кабинета, будто вовсе и не уходил. Будто «настраивает» ее голос на нужную тональность. И слушает...

Светлана Пенкина в роли Кати
в многосерийном художественном телефильме
«Хождение по мукам»

Но вот то, о чем Светлана сказала:

— Здесь, в музее, нет ни одного муляжа. Потому что энергетика подлинных вещей определенным образом подпитывает пришедшего сюда. Верно, что и для тебя Володя — родной по духу и мировоззрению человек. Ты поневоле была свидетелем — в силу наших близких отношений семьями — самых драматичных моментов в последнее десятилетие его жизни.

Замечательно, что сейчас есть реальная возможность дать почувствовать людям Владимира Георгиевича — через песни, которые у нас звучат в музыкальной комнате, через его изображения, личные вещи, наши беседы с посетителями. Мне радостно, когда молодежь, которая не видела Мулявина на сцене, приходит сюда с огромным почтением и уважением к нему. Только благодаря распоряжению Александра Григорьевича Лукашенко об увековечивании памяти Владимира Мулявина не кануло в Лету, не затерялось во времени все, что мы видим: и сценические костюмы, и любимые вещи Володи. Здесь нет случайного — все тщательно отобрано.

В этой витрине, обрамленной стеклом, лежат вещи, которые были с Володией в реанимации до последнего его мгновения... Фотография, где он, Валера и я в Канаде. Она небольшого размера, и ее можно было повесить в палате на стенку, чтобы находилась всегда перед глазами Володи. Посмотри на фото над дверью. Четки... Батюшка дал ему благословение на ношение этих четок. Возле церкви моряков я сделала кадр, где у него в руках как раз эти четки. В других храмах Петербурга подобные мы не смогли найти, а в этой церкви купили. Фотомгновение я зафиксировала «мыльницей», и на «цифре» осталась дата: 12.01.02. Его день рождения... Последний день в здравии. Помню, я тогда пошла к машине, обернулась, а Володи рядом нет, смотрю — дверь храма открыта и он на выходе остановился. Вижу, у него какое-то необычное состояние, такое, что я взяла и сфотографировала его. Потом из этого маленького любительского снимка мы с художником Леней Бартловым, когда создавали музейную экспозицию, решили сделать фото большого размера, панорамное... А вот тот самый теннисный мячик, которым Володя разрабатывал пальцы рук. А это иконки из нашего дома, подаренные Володе. Фломастеры — для того, чтобы рисовать, для тренировки

пальцев... Все, что видишь, было с Володей в госпитале Бурденко, больше же ничего нельзя было в палате держать. Есть еще его песочные гантели. Он трудился в больнице каждую минуту, как и всю жизнь трудился, будучи здоровым.

...Когда мы приехали в госпиталь, то один замечательный врач нам посоветовал: купите, мол, Владимиру Георгиевичу кроссовки и пусть они стоят перед ним. Потому что от него самого очень многое зависит: встанет на ноги или нет. Мы купили белые кроссовки и поставили в палате на подоконник. Володя видел их постоянно. Как всегда, он делал все на грани возможного и невозможного. Чтобы восстановиться, бесстрашно шел на медицинские эксперименты вместе с врачами, что было не только болезненно, но и рискованно. Ежечасно гимнастика, массаж, перевозки из одного кабинета в другой. Во многом помогали ему врачи, но просто невероятные усилия прикладывал и сам Володя.

На свой последний день рождения, в госпитале, он преподнес нам самый большой подарок, какой только мог! Перед тем о чем-то пошептался с сыном — и в спортзал. Меня попросили выйти. Когда я открыла дверь, то обомлела: Володя самостоятельно стоял у шведской стенки в тех самых кроссовках. Пригодились... Хотя стоять при подобных травмах было нереально, да к тому же прошло еще так мало времени. Но у Володи всегда был девиз: стоять! Что бы ни произошло — стоять! И выстоять. Через две недели ушел навсегда. Не выдержало сердце.

Более скромного, деликатного человека не встречала. Никогда не знала мужа праздным. С газеткой на диванчике — это не про него. Он должен был все время что-то делать, создавать, созидать, кому-то помогать. Никогда не забуду, что одним из самых счастливых моментов был тот, когда он помогал Володе Ткаченко купать его новорожденного ребенка. У нас же как раз тоже только-только родился сын, и Володя, еще в свежих радостных ощущениях, говорил мне: «Все, Света, вечером по плану — на купание к Ткаченко...»

Помогал он и малознакомым, и даже совсем незнакомым людям. Однажды в гостиничном холле «Эридана» в Витебске после концерта на «Славянском базаре...» нас остановил человек, который, как оказалось, ждал Володю. На форуме за кулисы амфитеатра его не пустили, и он решил подождать в гостинице. Сказал: «Владимир Георгиевич, я понял, сколько вы тратите сил, может, все-таки захотите отдохнуть спокойно на озерах у нас на Витебщине?» Мы подумали — и всей семьей поехали. Ждал нас замечательный домик на берегу удивительного озера с кувшинками и зарослями тростника. Мы там плавали, рыбачили, катались на катамаранах, отдыхали, наслаждаясь необыкновенной красотой. Этот человек, звали его Адам Генрихович, совершенно нас не беспокоил. Он только по утрам приезжал, здоровался и спрашивал про наши планы. А в планах у нас были покой и тишина. Короче говоря, мы неделю отдохнули замечательно, и Володя восстановился.

Мы часто вспоминали этот райский уголок, несколько раз созванивались с Адамом Генриховичем. Как-то по весне от него раздался звонок: сейчас мол, нахожусь в Минске, можно ли прийти в филармонию? Пришел и рассказал про свою беду: записался на прием к министру, потому что в хозяйстве катастрофически не хватало кормов для рыб. Попросил: а может быть, Владимир Георгиевич позвонит в министерство, походатайствует, поспособствует? Недолго думая, Володя завел машину, посадил в нее своего нового друга, и они поехали прямо в Министерство сельского хозяйства. Через пару часов Володя вернулся в филармонию. Счастливый, он рассказал: «Приехали в приемную, там человек двадцать —

в ожидании. Узнали, за кем, и решили ждать своей очереди». Секретарша, увидев Владимира Георгиевича, узнала его, подошла и спрашивает: «Простите, а вы по какому делу к министру?» Володя ответил: «По личному». Когда министр ему задал вопрос: «А в чем, собственно, проблема?» — он сказал: «Очень личная проблема. Скоро у меня «падеж» рыбы в сажалках начнется. Помогите чем можете...» Утрирую, конечно. Но, как говорится, попросил один воз, а получил три вагона.

Помню одно из самых счастливых состояний Мулявина, которые я когда-либо наблюдала в жизни. Мы были у друзей в Нью-Джерси, и у них стоял старый «Cadillac», который не был на ходу. Американцы же привыкли, что все делается по звонку автослесарю. Но Володе что, у бассейна только лежать? Вот он и взялся «старушку» ремонтировать. Кажется, весь день провел под этой машиной. В результате она завелась. Он вылез из-под нее чумазый, счастливый и гордо проехал по улице. То же самое было и с аппаратурой. Казалось бы, если что-то надо сделать, так вызови мастера. А он: нет, не вызову, я сам. И как получалось: разобрать — все замечательно, а при сборке оставались лишние детали. Володя в таких случаях успокаивал: «Ничего, вот это мы сейчас отложим, я пойму, какая лишняя, и все сделаю». И так до следующего раза...

С глубочайшим уважением отношусь к нему как к очень просвещенному, образованному человеку. К его самообразованию, желанию все узнать. На гастроли укладывал в сумку любимую книгу — «Похождения бравого солдата Швейка», ворох новых анекдотов и обязательно классику. Если брался за произведения Лескова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Куприна, то изучал по одному томику.

Сейчас, видимо, время поговорить про самую спорную программу «Песняров». Как в жизни Мулявина появился Маяковский? Мы навещали наших знакомых сельских учителей. В их деревенском доме стояла бамбуковая этажерка, на которой расположились тринадцать томов собрания сочинений Маяковского. Красного цвета академическое издание. Как-то Володя спросил у меня: «Ты Маяковского знаешь?» Нет, отвечаю, не знаю. Он говорит: «А я знаю: „Достаю из широких штанин...“» На следующий день: «Маяковского знаешь?» — «Да нет, Вова, не знаю...» — «А я знаю: „...Достаю из широких штанин...“» — Володя, вот стоят томики, давай знакомиться с Владимиром Владимировичем». Мы начали «путешествие» с тринадцатого тома — к первым стихам. Сразу же поразили его дневники, воспоминания, когда шла травля Маяковского. И там есть такие моменты, когда поэту говорили: «Да плюнь ты на все!» А он отвечал: «Да я уже не плюю, я харкаю кровью, и мне кажется, что я уже никому не нужен». Нечто подобное произошло и с Володей, когда его не пускали на сцену. Реально не пускали, публично не разрешали... Я помню, как они с Олегом Молчаном, в рубашках, без сценических костюмов, ехали на «Славянский базар...». Стоял вопрос: пустят ли Мулявина с «Малітвай» на сцену или нет? Не пускали к зрителю еще около года. Но не будем в это углубляться...

В дневниках Владимира Владимировича были записаны его последние строчки: «Я хочу быть понят своей страной, / А не буду понят — что ж, / По родной стране пройду стороной, / Как проходит косой дождь...». Никогда не скажешь, что это Маяковский, скорее — Есенин. Сейчас с каждым годом я все больше осознаю, что Владимир Мулявин был понят своей страной...

Но вернусь в ту деревеньку к Маяковскому. Вот так мы, постепенно изучая страницы томов, дошли до футуристических произведений, таких как «Если звезды зажигают...», «... Вспомни — за этим окном впервые руки твои, иступленный, гладил. Сегодня сидишь вот, сердце в железе». С Маяковского, образ которого воплощен в памятнике на площади его имени в Москве и постоянно ассоциируется с «КИМ», «ВТО» и так далее, стал слетать этот вот «цемент», появилась обнаженная душа, окровавленная, очень нежная. И тогда я спросила у Володи: «Ну как — знаешь Маяковского?» А он ответил: «Нет, Светка, не знаю». И только тогда, когда это произнес, приступил к написанию музыки. Ему захотелось отдать дань Поэту, личности космического масштаба, которая опередила свой век. И это одновременно была первая программа на русском языке — дань Володи своим корням. Я не знаю, есть ли такая российская группа, которая взялась бы за написание музыки на стихи Маяковского. А стихи самые разные, и какая сатира там звучит! Когда мы сдавали программу худсовету (я была автором сценария этого песенного спектакля «Во весь голос»), мне задали вопрос: «А текст залитован?» Я спрашиваю: «Чей? Маяковского? Издания пятьдесят шестого года?» Такого Маяковского еще не знали. Неудивительно, что, когда программа вышла в свет, это был настоящий шок. С другой стороны, для Володи, как для композитора, она была крайне важна. Почему? Да потому, что это не была «попса» на потребу зрителю того смутного, можно сказать, катастрофического времени на стыке эпох. Мулявин создавал тогда крупные музыкальные полотна, мощные песенные спектакли. Понимал: без воплощения подобных программ в жизнь дальнейшее развитие «Песняров» априори не-воз-мож-но! Володя считал, что «Песняры» — это уже есть музыкальное направление: замечательная календарно-обрядовая программа; потрясающая, на острие нерва — «Через всю войну»; удивительная, может быть, необычная для восприятия зрителей и слушателей та же «Во весь голос» по Маяковскому; созданная к 25-летию ансамбля «Голос души»; «Вянок» на стихи Максима Богдановича. Скажу о ней. Мы были на гастролях в США, и наши соотечественники-эмигранты принесли нам в подарок старый сборник молитв и песнопений. Володя и решил создать оригинальную программу, соединив в ней «Песняров», камерный хор и хореографический коллектив «Хорошки». В итоге — блистательное народное шоу!

Собственно, это и есть по-настоящему «знаковые», непревзойденные «Песняры», на которых зритель ходил целых три десятилетия! Оказывается, возможно на песнях, даже самых замечательных, так долго удерживать внимание нескольких поколений почитателей ансамбля. По большому счету, «Песняры» — это ощущение мощи, даже созвучие «р-ры» о чем-то говорит. Не правда ли? А разве песняровские программы «Песня пра долю» 1976 года, «Я не паэта...» 1982 года не были для Мулявина «посланием свыше»? Отдохновением? Ибо каким-то мистическим образом Песняр Янка Купала «зашифровал» в своих стихах именно ту музыку, которую Володе надо было просто услышать. Он читал стихи — и звучала музыка. Неудивительно, что на вопрос «Как ты сочиняешь?» он отвечал: «А она у меня сама звучит».

Талантливый человек — это всегда сложный человек, который является своеобразным исключением из правил. Гора в отдалении кажется маленькой, но, когда к ней подходишь, она становится все величественнее и величественнее. Великий человек, напротив: когда в отдалении — особенно видно, что он велик. Но, приближаясь к нему, некоторые испытывают иллюзии: мол, смотрите, ведь он такой же, как ты сам, то есть доступный.

Пока не общаешься с великим человеком (а Мулявин, безусловно, великий человек, великий музыкант и великий творец), он кажется недоступным и загадочным, особенно со сцены. Я знаю многих людей, которые просто-напросто боялись к Володе даже подойти и заговорить с ним. И ожидали, что произойдет нечто невероятное. Но если он приближал к себе людей, то они поражались его удивительной детской незащищенности! И многие в тот момент подпадали под ложное ощущение, именно примитивно-ложное: дескать, он такой же, как и я, даже проще меня, нет у него звездной болезни, в общении прост. Действительно, Володя никогда никого не перевоспитывал, но изучал, приближал, поддерживал. А если человек переходил грань дозволенного, Мулявин просто уходил. Наступала пустота. Люди начинали понимать, какой он недоступный при всей своей доступности в жизни.

Меня сейчас очень тревожит вот что. На девятый день после ухода мужа на Небеса я у себя в дневнике записала: «Пожалуйста, не «цементируйте» Володю. Не возвеличивайте до такой степени, чтобы исчез очень светлый, очень добрый, талантливый человек. Не надо делать из него Памятник...» Помнишь Маяковского? Вот почему здесь, в музейной экспозиции, на одном фото – народный артист СССР, а напротив него – фотопортрет двенадцатилетнего мальчишки-хулигана. Это все – Володя. И когда в музее на экскурсии появляются школьники, то я им предлагаю посмотреть на эти две фотографии, чтобы никому из ребят в голову даже и не закрадывалась мысль: мол, куда нам до него? Каждый из нас должен не бояться покорять предназначенные ему судьбой вершины.

Я как-то сказала, что вышла замуж за великого мужчину. Володя удивил меня своей эрудицией, образованностью, хотя, как оказалось, у него не было высшего образования. Но самообразование потрясающее: замечательно разбирался в живописи, знал прозу Лескова, как говорила уже – упивался Гашеком. Его настольная книга «Похождения бравого солдата Швейка» (издания разных лет) хранится у нас дома. Конечно, с великим человеком жить непросто, очень ответственно и опасно соединять свои жизни, судьбы, но – замечательно интересно. Просто живешь! Володя дал мне возможность чувствовать себя свободной от общепринятых условностей. И – творчество! Да, мы творили жизнь.

И это абсолютно так. Ну не смешно ли – выходить замуж за гениального музыканта? Понятно, гениального музыканта надо чтить, ходить на его концерты, но жить надо с настоящим Мужчиной. Вообще, я считаю, что великий мужчина – это изначально Личность. Она может быть признанной или непризнанной, но должна быть признана именно тобой. Тогда все и происходит как надо, несмотря ни на что, невзирая на какие бы то ни было трудности, испытания, невзгоды, которые нам пришлось пережить... Володя ведь не делал чего-либо «благодаря». Это тоже ложное представление. В основном, было всегда «вопреки».

Вот, посмотри: в первый раз, когда «Песняры» отправились на конкурс в Москву, то поехали за собственные деньги. Их никто и ничем не «экипировал» для того, чтобы наши артисты в нем поучаствовали. И они «очень трудно жили перед конкурсом». Это я с Володиных слов говорю. Один музыкант не выдержал, написал записку: «Ребята, простите!» – и сбежал. Сбежал за несколько дней до триумфа. Вообще-то, если честно, Мулявина в Минске считали городским сумасшедшим: мол, его идея создания подобного ансамбля по тем временам для реального воплощения была невозможна. Но они победили. Вернулись. И чиновники стали думать: а что с ними делать дальше?..

Несмотря на бешеную популярность «Песняров», у них не было своего помещения для репетиций, и пришлось арендовать две комнатки в школе-интернате для глухонемых детей. Но Володе хватало юмора не унывать: мол, вот и замечательно, дети не слышат нас, и мы им не мешаем своими бесконечными репетициями. Даже в самых экстремальных моментах у Володи юмор не исчезал никогда. И, кстати говоря, «мульки» от Мульки и сегодня переходят из уст в уста. Это действительно так. А что дальше? Ребята получили по возвращении из Латинской Америки первый «золотой диск» в СССР. Первый! И, как ни странно, после этого у них не стало приглашений с фирмы «Мелодия» для записи новых грампластинок, хотя тогда они имели «золото» СССР, а все остальные наши советские звезды были уже как бы вторыми. Значит, заслужив это признание за десять дисков-гигантов и за колоссальный тираж по тем временам (а это несколько десятков миллионов проданных пластинок), «Песняры» впоследствии так и не дождались приглашения на новые записи! И у них очень долго, на более современных носителях того времени, треков так и не было...

Но все же появилась возможность при помощи фирмы «Philips» в 1994 году записать диск на одной из престижных студий в Голландии — «Wisseloord Studios». Должна сказать, что она — из тех студий, дверь которой могут открыть только первые лица мирового музыкального бомонда. К тому же с финансированием достаточно высокого уровня. Кстати, студия расположена рядом с городом в красивейшем местечке, где сказочная природа и всегда слышна музыка. Здесь записывали свои диски звезды мировой величины — в частности, Элтон Джон и Мик Джаггер. Вот и Володе тоже посчастливилось там записываться. Именно благодаря тому самому первому и единственному «золотому диску».

После концерта. 1996 г.

«Песняры» записали пятнадцать песен (!), как говорится, «с листа», с первой ноты. Когда начали прописывать ритм-основу, голландцы схватились за голову: мол, так не делается! А денег-то — всего лишь на четыре дня! Значит, надо писать в темпе. Так что пятнадцать песен с нуля за четыре дня — своеобразный рекорд. Правда, голландцы предложили сначала все это исполнить как концертный вариант, потом почистить на компьютере и отдать в производство. Володя сказал: «Нет». Он все продумал: как голоса четко распределить, в какой последовательности музыкантам записываться, учел вокальные нагрузки на артистов, чтобы не сорвали голос. Сольные партии записывал в последнюю очередь. Но когда все это соединилось, искреннему восхищению голландских мастеров звукозаписи не было границ. Они аплодировали нашим ребятам стоя... Если поначалу на студии нет-нет да и присутствовало достаточно переводимое, но непроизносимое вслух русское словцо на английском, то в конце записи просто обнимались и говорили, что таланты не только в Англии рождаются. Действительно, их потрясли и «Александрына», и «Касіў Ясь канюшыну», и другие хиты. Это был восторг. К нам даже специально приезжали аккредитованные в Голландии корреспонденты ТАСС, чтобы передать на Родину сенсационную информацию. Передали, но Володя ведь не шоумен и не бизнесмен, он просто музыкант, поэтому, естественно, мы ничего дальше и не пропиарили. Но главное — получился фантастический диск с замечательным звучанием.

Неповторимый голос Володи... Владимира Мулявина... Мули, как нежно называли его свои. А он-то ведь изначально — музыкант и гитарист. Запел же совершенно внезапно. Просто некому было в тот момент исполнить теноровую партию на репетиции. И ему пришлось это взять на себя. Он не запел — закричал! Он закричал на весь мир! Да и голос свой не берег. Он его закалял. Например, пил холодное молоко, и это вошло в привычку на многие годы — я тому свидетель... Вообще-то, он никогда не считал себя певцом. Он — музыкант.

Мы спрашиваем: в чем загадка Мулявина? Я всегда поражалась Володиному трудолюбию. Начну с того, что ему не было и шестнадцати лет, когда в силу обстоятельств он вынужден был зарабатывать деньги, чтобы содержать маму, брата и сестру. И первую свою зарплату получал по метрике. Вне работы его абсолютно невозможно было представить. Ему приходилось очень много заниматься квартирными вопросами для артистов ансамбля, машинами, что-то пробивать, ходить по разным инстанциям. Но он был искренне счастлив, когда мог помочь.

Понятно, музыка исчезает, когда много суеты. Более всего он боялся обыденности. Никогда не брал гитару в компании близких друзей, даже если его об этом настойчиво просили. Всегда отшучиваясь, Володя говорил: мол, знаете, я сейчас отдыхаю и лучше вам... станцюю. Но мне довелось — и для меня это великая честь и память навсегда — наблюдать за таинством творчества Мулявина.

В основном, музыка «приходила» к нему с четырех до шести утра. Если рождались какие-то мелодии, то Володя меня будил и начинал тихонько-тихонько наигрывать на гитаре. Я вставала и слушала то первое, что у него выплескивалось из души. Воистину, его благодатное «космическое» время, его блаженство — это рассвет. Затем Володя мог немножко отдохнуть и бегать по всяким административным делам и кабинетам. Но это было для него очень утомительно. Отдохновение — время репетиций: одна или две сразу. Потом — вперед, и куда-нибудь на гастроли...

Да, трудолюбие... А еще его благородство... В чем оно проявлялось? Были в его жизни очень болезненные моменты. И Володе стоило только публично как бы расставить точки над «і», сказать во всеуслышание... Но он этого не делал. Мулявин придерживался такого правила: о коллегах говорить либо хорошо, либо молчать. Ведь пережил он и предательство тех, кому доверял, и нападки «желтой» прессы. Откровенно говоря, меня поражала его позиция, так как кое-кто считал, что не отвечать — это слабость. Но это было настоящее благородство. Он сказал мне однажды: «Света, ну что же я, с грязью выйду на кулачный бой? Даже если я смогу победить эту грязь, ведь сам буду весь в ней». Его мораль — не ввязываться ни в какие грязные разборки. Ни при каких обстоятельствах. На это уходила колоссальная внутренняя энергия — энергия мужества, терпения, всепрощения.

Володя не терпел фальши ни в отношениях, ни в работе, ни в творчестве. Недаром в его фамилии присутствует название ноты, по которой настраивается оркестр,— «ля», МуЛЯвин. Эти свои черты характера и поведения он старался передать нашему сыну. Валерик был его последним ребенком. Люди говорили: того, чего Володя не додал в свое время другим своим детям, он, мол, старался отдать младшему сыну, с которым у него сложились совершенно особые отношения. Дело в том, что у Володи, как он считал, был большой «недостаток». Когда мы определялись, будем вместе или нет, Володьке было очень трудно в этом недостатке признаться. А «недостаток» заключался в том, по его умозаключению, что он уже был дедушкой. Я сказала: «Какое замечательное достоинство — в сорок лет ты уже дедушка!» Но он все тушевался, воображая, насколько не молод. Вопреки всему появился наш сын,

Дортмунд, Германия. Начало 1990-х

и Володя назвал его в честь своего брата Валерия. Думаю, что эти особые взаимоотношения отца и сына были продиктованы тем, что Володя понес в свое время невосполнимую утрату: на гастролях в Ялте трагически погиб его брат, артист ансамбля «Песняры» Валерий Георгиевич Мулявин. Братья удивительным образом дополняли друг друга. Если Володя — человек замкнутый, неразговорчивый и, как сейчас говорят, некоммуникабельный, «в себе», то Валерий всегда был душой компании, крепкий, сильный. Когда брата постигла трагическая участь, Володя стал безмерно одиноким. А с появлением Валерки-младшего эта тоска, желание, чтобы *брат был*, как бы перенеслись на взаимоотношения отца и сына, которые, скорее, напоминали пару — не-разлей-вода — старший брат и младший брат.

Должна сказать, что я очень горжусь своим сыном, потому что он Володю не подвел. Когда случилась беда, он сутками был с отцом, ухаживал за ним, а потом, бросив учебу в Минске, уехал с нами в Москву, в Главный клинический госпиталь имени Бурденко. И там не выходил из палаты отца, буквально стал санитаром, в каждой мелочи ему помогал, я не говорю уже о главных, насущных и жизненно необходимых вещах, в которых Володя очень нуждался. Поддерживал всем, чем только возможно, в том числе и юморными отцовскими «мульками».

Они практически никогда не расставались. Кстати, сын был с нами и на первых гастролях, когда ему исполнился только годик. Как раз тот трейлер, который возил музыкальные инструменты «Песняров», благополучно перевез в город на Неве его детскую кроватку и прочие вещи. Мы уехали в Ленинград на гастроли и поселились в гостинице «Прибалтийская». Двухэтажные апартаменты с кухонькой, с горничными дали нам возможность поставить кроватку сына и не волноваться о его бытовых условиях. Такие переезды-перелеты продолжались постоянно...

Сыну мой муж делал совершенно невероятные подарки. Самый прекрасный, который мог придумать только Володя,— путешествие. Валерке исполнилось восемь лет, и он уже два года изучал английский язык. Нам предстояла поездка на музыкальный фестиваль в Аризону. А поскольку это была достаточно дорогостоящая поездка, речи о том, чтобы брать ребенка с собой, как бы и не шло. Да и времена были несколько иные, не такие, как сейчас: я имею в виду условия контракта. Володя думал-думал и сказал: «Я понял, что подарю сыну на день рождения...» Спрашиваю: «Что?» Володя ответил: «Я подарю ему мир, подарю ему Америку. Он полетит с нами...» И — полетел...

Мне же Володя подарил Париж. У него было два хобби. Одно из них — путешествия по свету. Мы побывали практически на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды. Второе хобби — рыбалка. А вообще-то мы сами себе выдумывали праздники, придумывали подарки. Так родились каникулы в Париже, в котором я не была 25 лет после окончания съемок фильма «Хождение по мукам». Шел август 1997-го. Говорю: «Ты знаешь, Володя, у меня юбилей!» — «Какой юбилей?» А я ему: «Вот уже ровно 25 лет, как я не была в Париже. И сейчас как раз август». Не знаю, как Володя умудрился, но, кажется, через десять дней мы уже сидели в машине. У нас на руках — приглашение от ЮНЕСКО. И мы ехали в Париж через Европу, причем Володя всю дорогу был за рулем. Машины — это его страсть. И, как оказалось, страсть роковая...

Наши гастрольные поездки... Незабываемые два с половиной месяца в Африке... Мы проехали тогда пять стран. Правда, в Нигерии я подхватила тропическую москитную лихорадку — это очень тяжелое состояние. Валерик тогда оставался дома с бабушкой в Минске. Как-то Володя исчез, а потом вернулся с огромной видеокамерой. Он меня заснял и сразу показал картинку, какая я страшная после этой малярии, вся осунувшаяся. Мне было чрезвычайно сложно встать, потому что подскочила высоченная температура. И здесь сработало: конечно, я поднялась с постели. Взяла камеру и начала всех подряд снимать и просматривать. Какой я вывод сделала? А такой: лидер не требует, не учит, а вдохновляет людей. Так и Володя: ничего не требовал, а провоцировал на необходимые позитивные действия. Вот это я сейчас особенно остро ощущаю, в который раз слушая песню «Чырвоная ружа»...

Она, эта песня, для меня бесценный подарок. Его посвящение. И его ответ. Помню, мы вернулись из филармонии, и я прорыдала до вечера. Ходила по комнате и повторяла: «За что?.. За что?..» Дело в том, что в мужском «песняровском» коллективе меня, женщину, как бы не пытались понять. Это совсем другое, чем когда мужчина приходит работать в женский. Словом, мое риторическое «За что?» материализовалось в необычайной красоты ответ. Так вот, через три дня ко мне подходит Володя и спрашивает: «Хочешь знать, за что, тогда послушай народную мудрость...» Он взял гитару и начал петь «Чырвоную ружу», где есть символическое: «...за тое, за тое, як ты красіва». Стихи эти он нашел в старинном белорусском сборнике народных текстов шестнадцатого века.

Иногда меня спрашивали, оставались ли у Мулявина время и желание посвящать себя семье, или это был человек, которому дорога только музыка. Я отвечала: «Бог с вами! Как это «посвящать себя»? Мы и жили, и творили всей семьей. Сын, еще маленький, повторял: «Папа, мама, я — дружная семья». То есть, действительно, мы — неразлучные. Мне пришлось в самом творческом возрасте оставить кинематограф и начать работать с Володиной командой. Об этом он сам меня попросил, а я очень долго не соглашалась, но другого выхода не было. Поначалу я вела какие-то программы, что для меня было очень непросто, но таким образом мы имели возможность не расставаться. Да мы и соединились для того, чтобы не расставаться...

Понимаете, у Володи усредненности по отношению к жизни и собственным пристрастиям не было. Вот, скажем, если повседневная одежда, так — «хипповая». А вообще-то он был всегда абсолютным стилигой. В свое время через все новомодное прошел, испытал, прочувствовал. У него были отменный вкус и чувство стиля. Но, опять же, в зависимости от того, когда, куда и по какому поводу он собирался «на люди». Иногда ему было абсолютно все равно, что на нем надето, потому что сию минуту идет интенсивная работа: какие-то приезды-отъезды, репетиции... Тогда на нем было из одежды то, что соответствовало его внутреннему настрою. Так что либо фрак, либо джинсы, свитер и т.д. Терпеть не мог триаду «костюм, рубашка, галстук» — это однозначно. Чего он не любил еще? Как ни странно, не любил драники, потому что ему это напоминало о голодном послевоенном свердловском детстве. Его мама тогда из картофельных очистков делала драники. У нас их на столе потом никогда не было... Обожал крошку и свекольник, мясо. Мяса — много, свежеприготовленного, причем — в его присутствии. Очень любил сладкое.

Как я говорила уже, он всегда оставался в своем образе жизни «стилягой». И прежде всего это проявлялось во внутренней свободе духа, что есть неоспоримая привилегия совершенно незакомплексованного человека. И не имело значения, с кем и на каком уровне

Среди гитар.

он общается. Терпеть не мог хамства, в гневе был страшен, но старался не выплескивать его наружу, так как боялся за человека, на которого этот гнев и энергетика падут. Я однажды видела Володю во гневе: не дай бог, если кто-либо в этой жизни мог себе позволить его оскорбить... Просто у Володи изменялось лицо, хотя, казалось бы, внешне он был очень спокоен. Мулявин не кричал, когда гневался, он бледнел, начинал говорить тихо и четко. А дальше... Дальше, образно говоря, человек... оседал.

Но не могу не сказать, наверное, самое главное. Он был мужчиной-личностью. Повторюсь: очень мужественным человеком и очень терпеливым. Я имею в виду даже то, что касалось физической боли. Володя длительное время страдал от камней в почках. Это дикие боли, когда выходят камни,— сродни ощущениям женщины, дающей жизнь ребенку. Иногда почечная колика прихватывала его даже во время концерта. Не знаешь же, в какой момент пойдет камень... Помню концерт, когда Володя должен был петь «Крик птицы», и вдруг начались эти «схватки». Молодой врач скорой помощи, никак не могла попасть ему в вену, чтобы сделать болеутоляющий укол. Очень разволновалась — у нее руки тряслись. Володя ее успокоил и пошел на сцену. А вернувшись, сказал ей: «Спасибо, что не попали. Так пронзительно, как я сегодня орал «Крик птицы», у меня никогда не получалось...» Вот в этом весь Мулявин, пытавшийся никого не напрягать, а, наоборот, ободрять... Да уж, если аппендицит (а это случилось в Румынии) — так до той степени, пока он не лопнул, до перитонита... Володе сделали операцию,

он вернулся в Союз. Но шли концерты, и надо было сразу выходить на сцену. Начал петь, а у него шов расходится. Володя стал прикрывать гитарой расплывающееся пятно на белом костюме. Закончился номер, он вышел за кулисы и сказал мне: «Знаешь, я боялся, чтобы люди кровь не увидели, ведь так они могли бы испугаться...»

Володя написал в дневнике: «Песняры» — не торговая марка для духовно кастрированных людей, а образ жизни, мыслей, мышления. Я всю сознательную жизнь, изучая Богдановича, Купала, Коласа, восхищался ими не только как поэтами, но и как людьми. Купала не шел ни на какие компромиссы, вплоть до харакири». Сегодня, когда многие необоснованно и бездумно жаждут приобщиться к «званию» «Песняры», я хотела бы высказать свое мнение: «песняром» зваться не надо рваться, потому что за всем этим стоит высочайшая миссия и... человеческая трагедия.

В жизни Мулявин кланялся только в двух случаях: на сцене — благодарной публике, а также в церкви. Никто никогда не мог его сломить. И в этом — вся его жизнь. Замечательная жизнь! И, слава Господу, что в ней — и моя судьба: быть вместе с Володей двадцать три потрясающе счастливых года. И даже без него быть с ним. Так что мы вместе вот уже тридцать пять лет.

...Я даже без тебя — с тобой!

2015

Санкт-Петербург. День рождения Володи. 12 января 2001 г.